

ТАТЬЯНА МИРОНОВА

доктор филологических наук

РАЗГОВОР ПО-РУССКИ — РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

ОБЕРЕЖНЫЙ КРУГ РУССКОГО ОБЩЕНИЯ

Неоспоримо, что язык дан людям как средство общения для совместного труда и выживания. Общение — исконная сфера употребления языка — наиболее ярко проявляет особенности национального характера племён и народностей. Роль общения у разных народов не одинакова. У финнов, к примеру, взаимное общение крайне ограничено. Что родители там настойчиво внушают детям? “Если не знаешь, молчи”. Для русских же незнание не отменяет возможности подумать вслух, предположить, высказать соображение, порассуждать на заданную тему. Именно поэтому так распространены у нас вводные слова и предложения: “Может быть”, “наверное”, “мне кажется”, “я думаю”, после чего обычно следуют словообильные гипотезы, предположения, догадки и прожекты.

Иностранные исследователи сходятся с нашими отечественными учёными в том, что русские гораздо словоохотливее многих других народов. Вот только обосновывает это всяк по-своему. Иноземцы причину нашего многоговорения находят в том, что мы-де, русские, расселены на огромной территории, и скрепой нашего взаимодействия является язык. Но ведь это обстоятельство — удалённость друг от друга — должно быть скорее препятствием для общения, чем подспорьем. Русский народ общителен вопреки обширности своего расселения, таково замечательное свойство его характера.

Напомним, национальное имя русских — славяне — свидетельствует, что в числе наших идеалов — слово и речь, что для нас “свои” — это те, кто говорит понятно и правильно на нашем родном языке. Те же, кто не владеет русской речью, искони были для нас “немцы”, то есть немые. Словом “немцы” русский народ именовал всех без разбору чужестранцев: “аглицкие немцы”, “фряжские немцы”, “гишпанские немцы”...

Есть ещё одно обстоятельство, располагающее русских к искреннему, живому общению. Ключевые понятия русского языка, те, что отражают идеалы народа, — чем он больше всего дорожит, что он любит больше всего, — это душа, правда, совесть. Но ведь душевность, правдивость и совестливость проявляются, прежде всего, в общении, они же формируют особые свойства русского общения, мало того, что не присущие, так ещё и непонятные другим народам.

Сами слова общение, как и общество, община происходят из индоевропейского корня *obtǝjъ, означавшего обережный круг. У славян это был древ-

ний круговой обход жилья и поселения. Общение наряду с общиной составляло основу безопасности человека, бережный круг своих, близких людей, позволяющий в трудные времена выжить, выстоять, спастись от невзгод. Такой взгляд на общение до сих пор стойко хранится в убеждениях русских людей, что с родными и соседями необходимо общаться, а значит, жить дружно, поддерживая друг друга в трудную минуту. Принято считать, что этому способствовал суровый климат в местах расселения русского народа. Но ведь, к примеру, у финнов, как и у других северных народов, не менее трудные условия бытия, что, однако, не придало этим племенам радушной словоохотливости и дружеской общительности. Для финнов говорить – отдельная работа, мало связанная с общением. В Финляндии никого не удивит, если финн придёт в соседский дом, молча выпьет чашку кофе и, не сказав ни единого слова, уйдёт. Здесь это называется – погостил, пообщался. У русских общение служит взаимопомощи. Если что-то случается, соседи, родные, друзья – весь “круг общения” – сами собираются вместе и решают, чем и как помочь. В Финляндии просить других о помощи не принято, этого стыдятся.

Особость русского общения ещё и в том, что люди в разговорах между собой чаще всего подсознательно, но всегда настойчиво приобщают собеседника к своим представлениям о жизни, к своему пониманию текущих событий. Мы всегда стремимся объединиться друг с другом общими интересами, общими задачами, общими симпатиями и неприязнью, и, разумеется, общим прошлым. Именно таким приобщением объясняются русские разговорные формулы, на все лады убеждающие собеседника согласиться и принять наши доводы. “Вы знаете...”, “ты знаешь...” – так мы привлекаем внимание человека к нужной теме. “Послушайте!” – уговариваем возражающего нам. “Видите ли...” – терпеливо пытаемся разъяснить свои взгляды. “Ты смотри! Ты глянь! Гля! Ля!” – заражаем собеседника собственным любопытством. “Слышь ты!” – пытаемся угрожать, если с нами не соглашаются. “Погодите! Стойте!” – не теряем надежды убедить несогласного спорщика. Поиск общего в общении породил эти русские разговорные формулы, приглашающие, а то и принуждающие собеседника взглянуть на вещи вашими глазами, заставить его вслушаться в то, что вы говорите, принять ваши взгляды и убеждения. Мы, русские, обладаем той крайностью в общении, что нам мало высказать собеседнику своё мнение, свою точку зрения. Нет же, мы непременно хотим и стараемся добиться того, чтоб он принял нашу оценку, наше мнение, принял тотчас, сейчас, прямо в разговоре.

Такое представление об общении отличается, например, от английского communication, в основе которого лежит архетипическое индоевропейское понятие *com-, корень присутствующий в наших русских словах **ком**, **комкать**, то есть собирать воедино, объединяться. Здесь не принято призывать собеседника: “Послушайте!” Это будет воспринято им как насилие над ним, вмешательство в его личную жизнь. Англичане, чтобы привлечь внимание в разговоре, заявляют: “I say”, – что значит: “Я говорю”, – и это является всего лишь просьбой получить слово, дать ему возможность договорить. Точно так же в городском транспорте самый распространённый, обыденный для русского вопрос к незнакомому попутчику с просьбой освободить дорогу: “Вы сейчас выходите?” – англичанину представляется неслыханным вмешательством в его личные дела. По-английски будет уместно лишь вежливо сообщить о себе: “Я сейчас выхожу”, – не более.

И это не единственное отличие русского общения от английского. В английской коммуникации существует несколько видов разговора, но нам, русским, разобраться в них не под силу. И правда, чем отличаются друг от друга: chat – лёгкая болтовня, chit-chat – беседа о неважных вещах, small talk – лёгкое обычное общение, conversation – неформальное общение двух или нескольких людей? Вряд ли кто из нас, русских, эти отличия вразумительно объяснит. Лёгкий разговор ни о чём в английской “коммуникации” может без сбоев длиться часами, русский же человек с трудом переносит small talk, для него это всего лишь “болтовня”, “трёп” и “чепуха”, тягостное переливание из пустого в порожнее.

Мы не придаём никакого значения “разговорам ни о чём”, что обычно именуется “светской беседой”. Про подобные тары-бары-растабары у нас говорят: болтать, трепаться, точить лясы, чесать языком, плести чепуху, судачить... Любителя такого разговорного жанра – “потрепаться” – осуждающе

прозывают пустомелей, пустобрёхом, краснобаем, болтуном, балаболом или балаболкой, треплом кукурузным. В русском общении принята дружеская, деловая или семейная беседа. Но этим наше общение не ограничивается, более того, не эти разговоры являются любимой беседой по-русски, излюбленным жанром для русских является разговор по душам.

Разговор по душам – чисто русское открытие души друг другу, исповедальный монолог или диалог на высокой ноте искренности и правдивости. В разговоре по душам собеседнику открывают сердце, изливают душу, исповедуются, “как на духу”. К такому общению стремится русская душа, это не частое, но необходимое для нас дело, важнейшее для русского бытия.

Столь же искренним, правдивым, но абсолютно не мирным представляется ещё один важнейший вид русского общения, который у нас обычно называется выяснением отношений. Это противоположное разговору по душам действие, прямое и честное открытие задворок души (а у кого их нет?), выкапывание камней из-за пазухи (кто их у себя не прячет?). Выяснение отношений чаще всего воспринимается собеседниками со взаимной обидой, как шипение и даже укус отогретой на груди змеи. Но такой разговор всегда облегчает душу, ведь он требует от противников-собеседников той же полноты искренности и правдивости, как и разговор по душам, правда, в выяснении отношений больше спорят о низком, здесь царят злопамятность, сведение счётов, здесь происходит плата по счетам, здесь открываются затаённые обиды и высказываются накопленные досады. Но даже такое, прямо скажем, нелицеприятное общение роднее и ближе русскому человеку, чем скользкий, лицемерный трёп. Недаром после таких разговоров, глубоко выдохнув, мы говорим: “Отвёл душу”, “повытряс сердце”. Именно благодаря такому выяснению отношений русские долго “не держат зла”, ибо умеют от зла сердце освобождают, сбрасывать камень с души, “вытряхивать” накопившееся раздражение на голову обидчика и мирно сосуществовать с ним дальше.

ЧТО ЛЮДИ СКАЖУТ

Идеалом общения для русских является разговор по душам. На взаимной искренности, дружественности, открытости строится наше национальное общение. Русский человек интуитивно, но неукоснительно соблюдает целый ряд психологических установок общения. Мы ведь в большинстве своём уверены во взаимной поддержке и рассчитываем на неё. Мы убеждены: “Люди помогут!” Даже если никто не приходит на помощь, принимаем это за роковую случайность, дикое стечение обстоятельств, и опять же остаёмся уверенными, что так быть не должно. Вот почему у нас принято предупреждать незнакомых людей об опасности на дороге: “Осторожнее, здесь яма!”, “Смотрите, не споткнитесь, здесь доска лежит!” Мы советуем случайным встречным поберегаться от возможных оплошностей: “Здесь лавочка окрашена, не испачкайтесь!” Автомобилисты в России дружно “мигают” встречным машинам дальним ближним светом, с головой выдавая притаившегося в засаде гаишника. Если кому-то на улице стало плохо, предлагаем помощь. Не спрашиваем, как англичане: “Are you fine?” – “Вам хорошо?” – напротив, сочувственно уточняем: “Вам плохо?”, – и принимаемся хлопотать, призывая на подмогу случайных прохожих. Убеждение, что “люди помогут!” раскрепощает нас и позволяет обращаться за поддержкой не только к своим родным, знакомым, близким людям, но, зачастую, и вовсе к чужим. Но это же кровное, воспитанное в нас “люди помогут!” движет нами, когда нам случается приходиться на помощь другим, и даже сейчас, в паскудное время, когда целые синдикаты, эксплуатируя инвалидов, калек, малолеток, поставили на службу своего корыстного обогащения наши добрые искренние чувства, и люди, зная, что попрошайки, убогие, “инвалиды”, “люди неместные” – инструмент наживы в руках преступного мира, всё равно тянутся к кошелькам, потому что помогать – не в сознании нашем, а в характере, в крови.

Нас с детства наставляют: “С людьми надо по-людски”, по-доброму, по-хорошему, значит. Отсюда и разговор по душам, и та особая русская задушевность общения, что изумляет иностранцев. Мы ведь действительно любим долгие застолья с задушевными песнями, застольными разговорами, где можно и “душу излить”. Гостей угощаем лучшим, что в доме есть, даже если потом семейство неделю будет питаться хлебом да кашей. Мы искренне оби-

жаемся, если гости уходят от нас слишком рано, когда плохо едят, особенно если мало пьют. Знаменитое “Ты меня уважаешь?” имеет на Руси многовековую традицию.

Однако законы русского общения в то же время требуют ответного гостеприимства-хлебосольства. Если в гостях вас не попотчевали, оскорбляете: “Хоть бы чаю предложили”, – и навеки забываете дорожку в этот дом. Это такое исключение из правил, что помнится всю жизнь, потому что для большинства русских, даже жадин и скопидомов, радушно распахнутые для друзей двери дома и обильно накрытый для гостей стол – в порядке вещей. Нам даже трудно поверить, что гостеприимство – черта, целым народам вовсе не свойственная. Китайцы, к примеру, вообще не склонны приглашать друзей домой, храня своё жилище от посторонних глаз.

Мы не только открыты в общении, но и бескорыстны, нам от друзей и знакомых не нужно ничего кроме душевной поддержки и сочувствия, мы дружим искренне, а не для выгоды. Вот почему “простодушные” русские не боятся давать в долг и уж тем более при этом не берут процентов. Щедрость души русского человека подкреплена уверенностью, что “всех денег не заработаешь”. Русский готов платить за всю компанию в автобусе, в кино или в ресторане, и стесняется, если не имеет такой возможности. Расчётливых немцев удивляет наша безоглядная манера тратить деньги – “пошёл и купил”. Именно бескорыстие общения лежит в основе того, что мы легко прощаем другим невыполнение обязательств, приговаривая: “Да, ладно, с кем не бывает”. Щепетильные англичане в таких случаях жёстко прекращают с человеком отношения.

Русское общение избегает всяческих этикетных условностей. Иностранцев повергает в шок, что в русском языке нет единой формулы обращения, которую свято берегают в своих культурах другие народы. Английские *мистер* и *миссис*, немецкие *гerr* и *фрау*, французские *месье* и *мадам*, польские *пан* и *пани* – эти рамки приличий для нас слишком тесны. Формулы русского обращения поразительно разнообразны. Универсальные формы, принятые в Европе, не приживаются. *Господин* и *госпожа* возродились недавно, но не перешагивают сугубо официальных переговоров, *товарищ* ушёл в небытие вместе с советской властью и бытует разве что в военной среде, *гражданин* с *гражданкой* сохраняются только в судебной-следственной системе, *сударь* с *сударыней* никак не приживаются и употребляются шутиками с налётом иронии. Вместо этого официоза мы используем изумляющее иноземцев обращение по признаку пола, известное только в русском языке: *девушкой* называем любую нестарую, незнакомую женщину в автобусе или в магазине. Для лиц мужского пола в таких ситуациях считается уместным выражение *молодой человек*. Менее культурные граждане любят использовать для такого мимолётного общения слова *женщина* и *мужчина*. К детям мы обращаемся со словами *мальчик* и *девочка*, а то и *эй*, *парень* или даже *пацан*.

Что до теплоты, то её ещё больше в русском обращении к чужим незнакомым людям по признаку родства, что также является уникальной чертой русского языка. Детям ничего не стоит обратиться на улице к чужим людям *дядя* или *тётя*. Пожилых незнакомых людей у нас принято называть *мамаша*, *мать*, *бабуля*, *бабуся*, *дед*, *отец*. А те в ответ столь же непринуждённо записывают первых встречных себе в сынки и дочки. Точно так же взрослые мужчины готовы, в зависимости от ситуации, позвать на улице своего незнакомо-го ровесника *брат*, *браток*, *братан*.

Все формулы обращения практически непереводимы на другие языки, трудно объяснить иностранцу, что они в реальности выражают, невозможно растолковать ему, что *отцы*, *сынки* и *мамаши* между собой никакая не родня. Просто мы воспринимаем своих, русских, как близких родичей, тепло и дружелюбно, открыто и душевно. В вольном мире русского общения диапазон вольности простирается от *уважаемых господ* до панибратского *эй*, *мужики*. Да и слово *эй*, вопреки утверждениям современных грамматик, есть значимый в языке корень, означающий в индоевропейских архетипах “я говорю”, так что грубоватый окрик: “Эй, ты!” – буквально значит: “Я тебе говорю!” Столь же условна и наша формула обращения на “Вы”, заимствованная более двухсот лет назад из французского языка. Стоит лишь людям перешагнуть порог первого знакомства или преодолеть дистанцию служебной иерархии, и “Вы” мгновенно улетучивается, становится необязательным. Вот примеры

подобных превращений с чопорным “Вы”: “Олечка Николаевна, Вас к телефону”, “Сергей Петрович, ты меня вызывал?”.

Вольная линия русского общения проявляется в психологической установке: “Если нельзя, но очень нужно, то можно”. Каждый из нас может судить по себе. Мало того, что особо пробивные люди способны добиваться всего “в порядке исключения”, так ведь мы ещё все хорошо знаем, что по любой возникающей проблеме “можно договориться” – убедить, умолить, разжалобить, подкупить, наконец. А ещё это проявляется в русском стоянии в очередях, где допустимо пролезть без очереди, потому что мы пропускаем просящего, понимая, что человеку очень нужно, у него дети или больная мать дома, он на поезд опаздывает, ему с сердцем плохо и прочее. А главное, каждый понимает, что и он рано или поздно столкнётся с необходимостью преодолеть неумолимый закон очереди. В Англии нахала, лезущего без очереди, с позором и тумаками выставляя вон, невидя даже на то, что это может быть женщина с ребёнком. В Китае охотников пролезть без очереди могут побить палкой, и в привокзальных кассах для этого существуют специально нанятые, вооружённые палками “выставлялы”.

А ещё русские любят повторять, как молитву: “Что Бог ни делает, всё к лучшему”, и это тоже установка русского общения, создающая в наших душах особый оптимистический настрой на грядущее, не то что у врождённых пессимистов-англичан, которые, по уверению антропологов, изучавших особенности английской природы, неизменно настроены на худшее: “Вот опять всё как всегда!” А мы в случае неудачи обязательно заявляем себе и окружающим: “Нет худа без добра”, – за неуспех оправдываемся без малейшего сожаления: “Так получилось”, “так вышло”, “не сложилось”, в невзгодах утешаем себя и других: “Все образуется”, “значит, так было надо”. Эти осколки радостного фатализма позволяют русским не спешить к началу собраний и даже на работу, опаздывать в гости – у нас почти что хороший тон. А организаторы мероприятий в России всегда начинают их с задержкой по времени, дожидаясь, “пока все соберутся”. К слову, опаздывать в гости у немцев – дурной тон, у англичан опоздание жёстко осуждается.

Хороши ли или нет наши принципы общения, но мы таковы, а душевность, бескорыстие и оптимизм русского общения создают удивляющий иностранцев своей открытостью добрый русский мир.

ЗДРАВСТВУЙ, СПАСИБО И ПРОЩАЙ!

У каждого народа свои обычаи общения. Каждый из нас привычно произносит слова приветствия, прощания, извинения, согласия, отказа, беззаботно не задумываясь о форме их выражения, ибо это за века отобранные и отшлифованные фразы. Мы усваиваем их с детства и безошибочно используем, молниеносно подбирая нужные слова в соответствии с возникшей жизненной ситуацией. Причём русские традиции общения во многом основаны на прежде упомянутых психологических установках нашей национальной общительности.

Русское приветствие – **здравствуй!, здравствуйте!, здорово!** – есть пожелание здоровья не только конкретному человеку, но и его семье, его роду. Пожелания эти имеют древние истоки, ведь ещё византийский император Константин Багрянородный в IX веке в трактате “О народах”, описывая русских, приводил в пример способ их приветствия: “Здраво, брате, сестрице”. Как видим, наши русские “здорово” и “здравствуйте” за тысячелетие ничуть не изменились. Мы, как и встарь наши предки, закладываем здоровье в ритуал встречи по-русски, продолжаем привычно приветствовать друг друга пожеланием здоровья, почитая его как одну из главных ценностей человеческой жизни.

Иной смысл содержит обращение **“Привет!”** Здесь отражена готовность к разговору при встрече. Корень вет- означает речь, а приставка при- выражает привлечение внимания к этой речи. То есть русский *привет* – знак начала разговора, общения.

Заемствованное у немцев и англичан приветствие “Как дела?” (How do you do?) используется нами лишь тогда, когда мы затрудняемся с продолжением общения. Только в такой затруднительной ситуации, когда вроде как и сказать что-то надо, промолчать неудобно, а сказать ничего на ум не приходит, мы вынужденно пускаем в ход с чужого языка снятую, необременен-

тельную ритуальную фразу “Как дела?”, обретшую, правда, чисто русское ответное продолжение: “Ничего”, “так, помаленьку”, “хлеб-соль жуём, на масло поглядываем”, “живы, и слава Богу”, — чтобы можно было продлить вежливый, но малоинтересный друг другу диалог. Впрочем, и такое случается — кто-то на самом деле начинает подробно рассказывать про свои дела. Собеседник при этом, если он русский, конечно, такому повороту разговора ничуть не удивится. И долгий пространственный ответ будет со вниманием выслушан, встречен сочувствием — знать, человеку нужно излить душу, поделиться наболевшим.

Но если вдруг вы точно так же поведёте себя с англичанином и на его приветствие “Hi! How are you?” (“Как вы?”) приметесь пространно, искренне рассказывать о своих делах, ничего кроме такой же искренней, но только неприязни, вы у англичанина не вызовете. В ответ на его “Hi! How are you?” по тамошним канонам вам достаётся сказать только “And how are you?” (“А вы как?”). И всё. Английский церемониал приветствия окончен. Другие варианты ответа делятся не дольше того, но все они должны быть наполнены до краёв оптимизмом: “Fine! Great! I’m well!” (“Хорошо! Прекрасно! Всё в порядке!”). Вдобавок это ещё служит сигналом прекращения разговора на личную тему, то, что называют английской отрицательной вежливостью — форма установления дальней дистанции между людьми, которая свойственна именно замкнутым, сдержанным британцам.

Интересно, что, в отличие от англичан, мы, русские, в ответ на церемониальный вопрос “Как дела?” используем пессимистические, на первый взгляд, клише “Ничего!” или “Да так себе!”, словно боимся спугнуть удачу или предстать перед собеседником слишком самодовольными и кичливыми. Ответ “Ничего!” вызывает полное недоумение у тех же англичан или немцев. На самом же деле “Ничего!” — весьма оптимистичная ответная фраза ритуального приветствия, она в ряду победительных слов русской национальной стойкости, отрицающих любые трудности и напасти: **“Ничто!”** (ничто нас не сломит, ничто не одолеет), **“Нипочём!”** (нас не взять), **“Ни за что!”** (нас не одолеть), **“Ништяк!”** (прорвёмся!), зубы обломаете, плевали мы на это с высокой колокольни), **“Ничего!”** (переживём, перетерпим, пересилим, переможем). Эти трудно уловимые для чужака тонкости, выпренней сказать — нюансы русского языка неожиданно хорошо усвоил проницательный Отто фон Бисмарк, до конца своей жизни в трудные минуты любивший повторять по-русски: “Ничего, Бисмарк, ничего!”

Русское “Ничего!”, ставшее у “железного канцлера” излюбленным словом, на которое он привык опираться, очень часто и всегда точно к месту используя в своей переписке “Alles ничего” в смысле “всё нипочем”, Бисмарк освоил в Санкт-Петербурге, где служил тогда германским посланником. Проникнуть в тайну русского “ничего!” ему, если верить дожившему до нашего времени историческому преданию, помог случай. Торопившийся куда-то будущий канцлер Германской империи нанял ямщика, через минуту выразив сомнение в лошади, она показала ему недостаточно быстрой. “Ничего-о, барин!” — отвечал ямщик и пустил лошадку по заснеженной дороге так, что Бисмарк вынужденно забеспокоился уже о другом: “Да ты меня не вывалишь?”. — “Ничего-о, барин!” — отвечал ямщик, продолжая скачку. Сани опрокинулись. Бисмарк полетел в снег, до крови разбив себе лицо. В ярости замахнулся он на ямщика стальной тростью, с которой был неразлучен, а мужик и бровью не повёл, сгрёб ручищами полсугроба снега и, обтирая окровавленное лицо будущего “железного” канцлера, приговаривал: “Ничего, барин, ничего-о!” Сказывают, Отто фон Бисмарк впоследствии заказал кольцо из своей трости с надписью на латинице: “Ничего!” А когда канцлера Германской империи упрекали за симпатии к России, он отвечал: “В Германии только я один говорю “ничего!”, а в России — весь народ”. Вот редчайший случай, когда иностранец смог проникнуть в суть “ничего!” — победительной формулы русской стойкости, которой мы отвечаем не только на вопрос “как дела?”, но и на любые вызовы и угрозы.

Ритуалы русского прощания содержат надежду на новую встречу — “до свидания”, “пока” — и просьбу расстаться без взаимных обид — “Не поминай лихом!”, “Прощай!” Если при раслуке слышится “прощай!”, каждого, к кому обращено оно, охватывает тревожное волнение: не навсегда ли расстанётся человек, не сжигает ли он мосты общения, не рвёт ли отношения из-за

накопленных на сердце обид?.. Когда же слово “прощай!” нечаянно, без причины срывается с уст, то и тут замирает душа собеседника: не роковое ли это предчувствие расставания навеки?..

Среди формул прощания особняком стоит сочувственное “Держись!” – слово укрепления и моральной поддержки, должное показать нашу готовность и одновременно невозможность помочь другому. В силу этого двойственного смысла прощального “**Держись!**” в народе повелась насмешливая отповедь: “Держалась кобыла за оглобли, да упала!” И то верно – нельзя держаться за то, что держится лишь на тебе самом.

Близко к мотивам расставания и извинительное “**Прости!**” Здесь корень прост-. В формулах “прости!” и “прощай!” этот корень буквально означает взаимную прямоту и искренность при разлуке или извинении.

Иной сценарий извинения использует две формулы: скромную “извини” и нахальную “извиняюсь”. По сути, первая из них означает просьбу вывести провинившегося “из-под вины”, а вторая содержит заявление виноватого, что он больше не виноват. А ещё у нас есть извинительное междометие “ой!”, так часто встречающееся вместо “простите” в разговорной речи. В индоевропейских архетипах этот корень исконно означал “боль”, у нас он равнозначен восклицанию: “Мне больно, оттого что я пред вами виноват!” Вообще только долгие годы пробывшему в русской среде иностранцу возможно понять, что означает это самое “ой!”, а также разницу двух ответов на одно и то же ритуально-вежливое извинение: “Простите, пожалуйста! – Не за что! и Ни за что!”

Своеобычна **русская благодарность “Спасибо!”**, её исконное звучание “Спаси Бог!” По сути своей, “спасибо!” – не благодарность, а краткая молитва Богу за того, кто сделал тебе добро. Велика сила этой молитвы-благодарения, вот почему на русское “спасибо!” часто звучит скромный ответ: “Не за что!” – или ответное пожелание добра: “На здоровье!”

Наш русский национальный обычай благодарения очень трудно объяснить иностранцам, даже самым близким к нам в языковом отношении сербам, которые благодарят словом “хвала”, или полякам, у которых для этого существует слово “дзенкую”.

Впрочем, при всём обилии извинительных и благодарственных русских формул западноевропейцы упорно считают нас невежливыми, а всё потому, что мы благодарим и извиняемся гораздо реже, чем они, из-за... русской душевности общения. Ведь мы стараемся благодарить от души, а извиняться искренне. Англичане же, к примеру, имеют иное и очень строгое представление о том, что такое вежливость: это этикетное внимание к собеседнику, демонстрация оптимизма и уважения к нему. Даже маленькая покупка в супермаркете требует от каждого англичанина – участника диалога – два раза заведённо-механически сказать “Thank you” и три раза “please”. Иначе не досчитавшаяся благодарностей и извинений сторона сочтёт себя оскорблённой. У нас же этот набор этикетно-вежливых галантностей называется манерностью. Над чересчур вежливым смеются: “Простите, пожалуйста, нельзя ли у вас попросить... – Можно. Попроси”. У нас, у русских, вежлив тот, кто по-настоящему внимателен к другим, кто искренне помогает ближнему, кто благодарит от души.

Однако наши благодарности и извинения, понятые в западноевропейских странах как слишком редкие и невежливые, представляются вовсе излишними китайцам, корейцам и индийцам. В Индии и Китае друзей не благодарят: ведь они друзья и должны делать вам добро без благодарности, в Корее даже дети не благодарят родителей, так как “благодарность к ним живёт в сердце вечно”.

Причудливо многообразны чины согласия и отказа по-русски, что опять-таки связано с нашей неприязнью к формальной вежливости. Усвоить, как правильно соглашаться в том или ином случае, способен лишь иностранец, много лет проживший в русской среде. Тогда он поймёт, что **да** – это всего лишь простое согласие, готовность к сотрудничеству. Не случайно слово “**да**” исконно связано с глаголом **дать**, оно выражает открытость человека к общению. Но ведь в качестве утверждения мы ещё используем и **ага**, и **угу** – это тоже простое согласие. Вдобавок у нас есть ещё **ну** – знак получения новостей. Корень **ну**-произрастает из того же семени, что и прилагательное “новый”. При этом мы любим соединять два утвердительных слова в единое “**ну, да**”. А ещё мы любим согласно проговаривать **ладно**, что, помимо “ну, хорошо, согласен” значит “мне нравится, люблю, добро”. Мы не чуждаемся

и других форм согласия через одобрение – **хорошо, добро**. Сочетание двух утверждений “да ладно” означает “мы поняли друг друга, оставим это, проехали, переходим к новой теме”. Вот и выходит, что фраза “**да ладно**” является ещё и формулой прощения. Можно ли всё это в тонкостях прочувствовать чужаку? Пожалуй, нет. Для того чтобы иностранцу в полном объёме освоить все выражения русского согласия, он должен обрусеть. Всего-то навсего!

Не менее трудно чужаку усвоить все грани русского отказа. Категорическое **нет** мы употребляем крайне редко, оно слишком резкое и безапелляционное для нас, и это не случайно. **Нет** – исторически звучало как **не-тут**, то есть здесь нет того, что вы ищете. Более мягко и спокойно звучит простое отрицание **не-а**, известное всем индоевропейским языкам. Интересно, что **не-а** игнорирует русский литературный язык, но очень любит живая разговорная речь. А далее в нашей словесной сокровищнице изумительная россыпь всевозможных оттенков отказа и отрицания. “**Да ну**” – это недоверие с предложением продолжить аргументацию. “**Ну, нет**” – категорический отказ после выслушанных предложений. “**Да нет**” – отрицание с готовностью привести собственные аргументы. “**Да нет, наверное**” – неуверенный отказ, который в любую минуту может смениться согласием: “**Ну да ладно**” или “**Так и быть**”, или “**Хорошо, будь по-вашему**”. Если же ваш собеседник не знает, что и ответить, колеблется между **да** и **нет**, он произносит знаменитое русское “**Посмотрим!**”, совершенно не переводимое на другие языки мира.

Вполне ритуальными можно считать и формулы русского удивления. Это либо недоверчивое изумление “**Что?! Шо?! Чё?! Чего?! Да ты что! Тю!**”, либо потрясённое восхищение “Ну, ты даешь!”, либо то и другое в едином “**Ничего себе!**”, вообще не поддающееся истолкованию исконных смыслов. Впрочем, подобные недоумения очень редки в языке, где практически все слова, даже предлоги и междометия, имеют свой смысл.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ И ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

То, что мы называем общением, англичане, да и немцы с французами от них недалеко ушли, именуют коммуникацией. Но главное не в терминологии, а в том, что у нас совершенно иная форма общения. Идеальная “коммуникация” западноевропейца: *small talk, privacy, tolerance, political correctness*. Разговор о несущественном (*small talk*), с тем, чтобы сохранить неприкосновенным собственное личное пространство (*privacy*) и не задеть за живое собеседника (*tolerance*), а кроме того, не оскорбить ничьих убеждений и взглядов на бытие (*political correctness*). Ничего похожего на русские идеалы общения! Толерантной и политкорректной болтовне мы предпочитаем совсем иной ход беседы, для нас милее “разговор по душам” и непохожее ни на какие беседы в мире так называемое “выяснение отношений”.

Разговор по душам – чисто русское явление, ведь искренность и открытость мы ценим в своём собеседнике более всего. Это, конечно, не означает, что русские то и дело исповедуются друг перед другом, нет, конечно, мы чаще ведём служебные, семейные, бытовые разговоры, нисколько не стремясь “влезть” кому-то в душу. Но каждый русский испытывает потребность и имеет возможность, когда душа у него болит, ноет, мается, тоскует, открыться в разговоре, выплеснуть горе, выговориться, поделиться бедой, страхом, сомнением, словом, как говорят русские, распахнуть душу, вывернуть её наизнанку. Выражение “разделить беду” – чисто русское. И только у нас исповедальный разговор встречается с пониманием, сочувствием, с бескорыстной готовностью помочь. У большинства других народов не принято делиться наболевшим с чужим человеком, а уж искренне посочувствовать бедолаге, как правило, могут только родственники, да и то не всегда. Прибывшее к нам с Запада безучастное “это твои проблемы” большинство русских воспринимает как пощёчину, да и редко пока кто из нас решается выговорить такое встречь ищущему твоего участия.

А вот западноевропейцев как раз шокирует русская участливость и открытость. Даже эстонцы, прожившие с нами бок о бок не одну сотню лет, оказываются, так и не привыкли к русской традиции говорить по душам. “Заражаться чужими эмоциями, углубляться в них, соперничать для русских считается признаком этической зрелости. А эстонцу это кажется своего рода проституцией. . . Эстонец скуп на сопереживание, не торопится принять и чужое сочув-

ствие”, – так они пишут сами о себе. Точно так же у немцев с англичанами открывать душу друг другу – неприлично; по их убеждению, “грузить” своими “проблемами” кого бы то ни было всё равно, что заставлять другого стирать твоё грязное бельё. Это не мы о них так судим, это они сами о себе так говорят. Понятно, что мы, русские, в их глазах выглядим неотёсанными невеждами, не знающими ни правил приличия, ни законов общения. А уж русское выяснение отношений иностранцам и вовсе представляется кошмаром. Хотя для нас это обычное дело – разгорячённый, едва до колотни не доходящий, словесный поединок, который и спором-то назвать затруднительно. Мы ведь не спорим, мы прём друг на друга в словесной рукопашной, швыряясь, как бульжниками, накопленными обидами. Здесь вполне уместно современное слово “разборка”: разгребаем взаимные упрёки, словно кучу камней, скопившихся за паузой и огрузивших до бессилия нас своею тяжестью. Выясняя свои отношения, так порою “наезжаем” на собеседника, как утюгом его, подобно бульдозеру, норовя в прах раздавить его доводы и аргументы.

Такое выяснение отношений – не случайность русской жизни, а именно тип общения, столь же необходимый нам, как и разговор по душам. Иностранцам такое общение представляется полной дикостью. Ещё больше удивляются они тому, что русские могут так поспорить друг с другом даже в гостях, но ещё больше их приводит в изумление, что такая словесная баталия не приводит к разрыву отношений. Спорщики, как два воинствующих петуха, только что нахраписто наскакивавшие, оравшие друг на друга, мирно усаживаются за стол и продолжают дружески общаться между собой как ни чём не бывало. Китайка, наблюдавшая подобное, честно призналась, что китайцы после такого спора год бы друг с другом не разговаривали. Англичанин в полном недоумении описал увиденное им: “Я стоял возле вокзала и наблюдал, как двое русских кричали друг на друга. Было очень много жестов, и это продолжалось полчаса. Потом они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны, так и не побив друг друга. В Англии подобный разговор быстро бы перерос в драку”. Действительно, в Великобритании мирный исход резкого спора – крайняя редкость, русские в старину сложили поговорку о британской агрессии: “Аглицкие немцы не корыстны люди, да драться люты”. У нас же все иначе, ведь выясняя отношения, мы вовсе не стремимся к драке, напротив, мы облегчаем душу, чтобы затаённая обида не сушила сердце, не отталкивала нас друг от друга. Поговорив начистоту, мы радостно, облегчённо вздыхаем: “Ну, я ему всё высказал!”

Русские поговорки одобряют и закрепляют такую резкую, прямую форму общения как в семье, так и в дружеской округе: “Сколько ни мучиться, а без ссоры не прожить”, “без шуму и брага не закиснет”, “милые бранятся – только тешатся”, “свои собаки грызутся – чужая не приставай”. Но они же предписывают после ссор и споров непременно мириться: “Сходись – бранись, расходись – мирись”, “хоть на себя поступиться, но помириться, а грех пополам”, “полай, полай, собака, да облизись”.

Что до драки, то до неё дело доходит крайне редко. Драка не в привычках нашего общения. “Бранью праву не быть” – издревле говорили на Руси. Не потому, что мы трусливые и робкие, просто по натуре своей мы очень миролюбивый народ, и это у нас прописано в народных законах-поговорках: “Спорить спорь, а драться грех”, “за всё драться, так и кулаков не распускать”, “худой мир лучше доброй драки”, “браниться бранись, а рукам воли не давай”.

Мы, русские, в разговорах не обходим острых углов, не боимся затрагивать конфликтную тематику, чего так тщательно избегает большинство других народов. В споре по-русски, разгорающемся по причине “я ему слово, а он мне – десять”, дозволяется открыто и категорично, “в лоб” высказывать несогласие с собеседником: “Я против!”, “я никогда не соглашусь. !”, “не может быть!”, “неправда это!”, “твоя неправда!”, “ври, да не завирайся!”, “ври, да знай меру!”... Англичане же, немцы, китайцы толерантно скрывают свои разногласия, маскируя их разговорами ни о чём и вежливыми улыбками.

Наше резкое непримиримое: “Ни за что не соглашусь!”, “ничего подобного!”, “ни в коем случае!”, “никогда!”, “глупости все это!”, “ерунда!”, “ахинея!”, “бред!”, “брехня!” для европейцев с американцами просто неприемлемо, они и менее неллицеприятные оценки считают оскорбительными. Мы же, напротив, зачастую ещё и намеренно обостряем разговор: “Ты что,

русского языка не понимаешь?!", "я тебе по-русски говорю и ты уж постарайся меня понять! Я ведь по-бараньи бляеть не умею!", "Нет, я смотрю, ты похорошему не понимаешь!"...

Причём споры-то наши — это разгорячённое выяснение отношений, как правило, вовсе не о чём-то конкретном и насущном. Любимые темы для спора: смысл жизни, спорт и политика. У нас даже в бытовом разговоре допустимо ставить перед собеседником философские проблемы бытия, политики, истории, задавать трудные, а подчас неразрешимые вопросы, которые ожидаемо вызовут горячий спор. И это, что немаловажно для понимания русского человека, не с бухты-барухты взятые вопросы, лишь бы поговорить, это вопросы, которые человека, вбросившего их в разговор, на самом деле искренне волнуют. У англичан всего этого делать категорически нельзя, у немцев обсуждать политику, историю, смысл жизни в бытовых и служебных разговорах также не принято.

Да, русский человек любит спорить по разным вопросам, возражать, доходя до крика, браниться "зуб за зуб", грызться "зев в зев", "кость в кость". Нашего человека легко втянуть в разборку, он готов судить, высказывать своё мнение обо всём, что знает и чего не знает. Русские не стараются всеми силами избежать спора, как англичане или немцы, не отмалчиваются, как финны и эстонцы, не улыбаются вежливо, как китайцы и японцы. Русские с упоением "метут в два веника", поднимая "шум и гам коромыслом". Мы ухитряемся вступать в спор даже с незнакомыми людьми, если они высказывают неправильную, на наш взгляд, точку зрения, наезжаем на них, с ходу вмешиваясь в чужой разговор, и обычно бываем приняты в общение с большим радушием.

Но как преодолеть взаимную неприязнь, возникающую при выяснении отношений, чем её смягчить или погасить? Ведь это своё сердце в споре тешишь, а чужое-то гневишь и гнетёшь. Когда русский спор доходит до точки кипения, чтобы не дойти до рукоприкладства, мы интуитивно исполняем особый ритуал посылая. "Я его послал", — так обычно об этом говорят.

Куда же и зачем "посылают" в разборках друг друга русские люди? В таких ситуациях мы просто исключаем собеседника из общения, по сути, из собственного бережного круга: "Проваливай!", "провались ты!", "пропади ты пропадом!", "убирайся!", "катись на все четыре стороны!", "пошёл вон!", "не попадайся мне больше на глаза!", "исчезни!", "чтоб духу твоего не было!", "видеть тебя не хочу!"... Посылая соперника, спорщик обычно уточняет, куда тому следует убираться. Чаще всего, это место мистическое, так называемое "мифологическое пространство бытия". Посылают к чёрту, к чертовой матери, к чертям собачьим, к дьяволу, к шуту, в баню, к бесам, в тартарары... Просто провалиться желают или катиться куда подальше. Да ещё обычно с нетерпением добавляют: сейчас же, сию минуту, живо!.. Вдобавок угрожают: покуда цел, покуда жив, подобру-поздорову, от греха подальше, я за себя не ручаюсь!.. Так что русское выражение "Я его послал" означает не разрыв отношений, а исключение из бережного круга общения, чтобы, не дай Бог, не дойти до рукоприкладства. Ведь пословица велит: "Языком играй, а руками не рассуждай".

Впрочем, до драки дело тоже доходит, куда ж без неё. Но не вдруг, не спонтанно кулаки пускаются в ход, не так, чтоб говорили, говорили и вдруг — бац! Нет. Есть прелюдия драки — особая словесная брань, которую никак нельзя путать со сквернословием. Бранить — увещевать словами. Есть даже поговорка: "С умным браниться — ума набираться". В сквернословии же совсем иное, самое гнусное, непотребное, всё то, что мерзит плотски и духовно.

Бранные слова служат предтечей драки, по сути, это уже брань, напомним, что бранник — старинное имя воина, ратника. Но и своего рода рубеж перехода от слов к кулакам, взведённый курок, но ещё не выстрел, и даже последняя попытка удержаться от нажатия спускового крючка — пустить руки в ход. Любопытно, как соперники, всё ещё пользуясь оружием слова, меняют лексику, продолжая эмоциональное давление друг на друга, но при этом уже готовят себя к драке. И делают это в несколько приёмов. Для начала перелицовывают своего соперника из человека в зверя. Бить человека по лицу русским претит. Лицо — это образ Божий, литьё Божьего замысла. Зато незарно дать в морду, набить морду, начистить рыло, съездить в мурло, заехать в харю. Слова эти относятся не к человеку, а к зверю. Пользуясь таким ритуалом,

драчун одновременно самоукрепляется, он начинает обзывать противника названиями животных, причём — хитрец! — избирает достаточно слабых и неопасных для себя животных, обзывает свиной, собакой, козлом, бараном, овцой.

Получается, что битва предстоит уже вроде как не с человеком, а с животным, к тому же животным не страшным и не опасным, действительно, не со львом и не с волком предстоит сойтись в схватке, а с барашком, козлом, — думаешь!

Есть ещё одна грань подобного обряда, предшествующего сражению — исключить противника из круга своих, сделать его чужим, чтоб уж без жалости крушить — чужого бить не жалко! — и тут в ход идут имена инородцев, к таковым относятся шантрапа, шпана, шваль, мазурик, шаромыжник.

Но и это не всё, на самое последнее оставлено, — чтобы то ли противника вконец запугать, то ли себя в победе убедить, — в ход идёт последний словесный залп, выставляющий соперника покойным, в ход идут словоч, зараза, стерва, падла, мразь — слова, означающие неживое, мертвечину, тлен: словоч — ворох сухих листьев, стерва и падла — падала, разложившийся труп, мразь — труп окоченевший.

Только после этого, когда, как говорится, весь словесный арсенал израсходован, согласно русским правилам общения, от слов переходят к кулакам. Раззудись, плечо! Чужие удивляются нам, мы удивляемся другим народам, отрицающим словесную брань и оборону. Горец, как правило, не спорит, нападает внезапно, без предупреждения. Азиат, тот вообще норовит ударить в спину. Но это уже не наша история.

“НЕВОСПИТАННЫЕ РУССКИЕ”

Культура общения, к которой нас приучают с детства, внушая в семье и школе, что и как можно и нельзя говорить, — это русские нормы поведения, нарушив которые человек воспринимается окружающими как плохо воспитанный, невежливый, бескультурный. Но ведь наши национальные правила поведения вовсе не являются нормой для других народов, более того, некоторые из наших поведенческих канонов чужеземцев удивляют, а есть и такие, что просто их шокируют, да только ведь и их общение, в свою очередь, кажется нам несуразным, и даже подчас диковатым. Настолько мы разные.

Исследователи установили, что отличия в общении у японцев, американцев и бразильцев столь разительны, что с трудом позволяют им находить между собой общий язык. Период молчания в разговоре у японцев длится 5,5 секунды, у американцев — 3,5 секунды, бразильцы же при общении не замолкают вовсе. Перебивы в беседе из расчёта её часовой длительности возникают у японцев тринадцать раз, у американцев — десять, бразильцы в течение часа нарушают чужую речь не менее двадцати девяти раз. При этом взгляда в лицо собеседника японцы, как правило, избегают, американцы — нет, а у бразильцев принято рассматривать собеседника в упор. Прикосновение во время беседы недопустимо у японцев и американцев, бразильцы, напротив, постоянно похлопывают собеседника по плечу.

Ну, а мы в этой системе координат занимаем и вовсе особое положение: перебиваем собеседника со скоростью японцев, молчим столько же, сколько американцы, любим смотреть в глаза, подобно бразильцам. Что до прикосновений, то они у нас очень значимые и многоговорящие. Прикосновение может быть и знаком доброго отношения, и жестом убеждения, и выражением доверия к словам собеседника, и сигналом его полной поддержки. А ещё у нас принято обниматься и целоваться с родными и знакомыми при встрече и прощании.

У нас, русских, личное пространство, та дистанция, что мы сохраняем при общении, значительно меньше, чем у англичан и американцев. У нас допустимое расстояние при разговоре — от тридцати сантиметров до полутора метров, то есть максимум на длину двух протянутых для рукопожатия рук. К англичанам в общении нельзя подходить ближе, чем на метр, они могут вести разговор даже на расстоянии в четыре метра, что для нас немыслимо далеко. Китайцы же приближаются к собеседнику почти вплотную, дышат прямо в лицо, что, конечно же, крайне неприятно и русским, и англичанам.

Наши жесты соответствуют нашим чувствам. Наиболее распространённые из них при разговоре — кивок, как утверждение, отрицательное поматывание

головой, как отказ, пожимание плечами, как знак неопределённости или неосведомлённости. Интересно, что русские часто указывают на нужный предмет не рукой или пальцем, а головой. Иностранцам же кажется, что мы пользуемся в таких случаях носом. У русских существует определённая скованность в движениях при общении, и многие позы, такие как у американцев — задирать ноги на стул или стол, — мы считаем и вовсе недопустимыми.

Русские жесты имеют бóльший размах, чем жесты наших западных соседей. А вот что касается частоты жестикуляции, то мы занимаем здесь золотую середину. У русских в среднем насчитывают сорок жестов в час, у финнов один жест за то же время, у итальянцев — восемьдесят жестов, у французов — сто двадцать, мексиканцы жестикулируют беспрестанно — до ста восьмидесяти жестов в час. Японцы жестикулируют редко, зато всем неамериканцам бросаются в глаза японские ритуалы приседания и поклона. У японцев даже бейсболисты при игре кланяются друг другу, а в разговоре по телефону собеседники кланяются телефону. Это связано не столько с особенностями темперамента японцев, сколько со своеобразием их языка, в котором существует особая грамматическая категория вежливости.

Непривычные нам правила общения инородцев раздражают нас, а они, в свою очередь, не любят “этих невоспитанных русских” за неправильное, с их точки зрения, поведение. Даже бытовые традиции могут восприниматься превратно. У немцев вино и конфеты, принесённые гостями, убирают со стола, как подарок, согласно немецкому правилу: “Всё лучшее — семье”. Мы же рассматриваем подобные действия как вопиющую жадность, поскольку у нас принято всем лучшим потчевать гостей, ведь само наше слово *угощение* содержит в себе гостевой смысл.

Цветы — прекрасный подарок в России, но они как подарок не понятны практичным китайцам, предпочитающим дарить и получать в дар что-нибудь полезное в хозяйстве и в быту. Приём гостей на кухне — знак особой теплоты, доверительности у русских, но представители многих народов могут быть этим оскорблены. Вытряхивание скатертей и ковриков из окна на улицу — крайнее бескультурье в наших глазах, а у немцев с финнами это в порядке вещей. Подача холодного ужина — многовековая традиция немцев, но если нас угостят холодной едой, мы обидимся и посчитаем, что хозяева нас не уважают. Американцы негодуют на затягивание разговоров у русских, которые долго не могут расстаться, а расставаясь, радуются: “Хорошо посидели!”, “душевно поговорили!” Нам же претит американская деловитость и утилитарность в общении. А ведь вся разница в том, что американцы общаются для дела, а русские — для души.

Пресловутый американский обычай хвастливой самопрезентации, обязывающий человека демонстрировать *всё о'кей*, противен русскому идеалу скромности, он также не любезен и англичанам с их природной сдержанностью и замкнутостью. Потому и русские, и англичане полагают американцев излишне самодовольными, а подчас глупыми.

Небольшое опоздание к назначенному в гости сроку у русских — проявление уважения к хозяевам, у немцев же — признак неуважения. Русские через порог с друзьями не разговаривают, они непременно впускают гостя в дом, боясь поссориться, а некоторые народы дальше порога в дом знакомых вообще не пускают. Длительное пребывание с незнакомцем в одном месте, например, в купе поезда, обязывает русских знакомиться и общаться, а англичане с финнами могут молча просидеть всю дорогу, не боясь выглядеть невежливыми.

Вот как описывают различия между финнами и русскими исследователи финского национального характера. В русском походе все собираются вечером у костра, едят из одного котла, пьют водку и поют песни. В финском походе каждый на своём примусе варит свой суп, съедает его и уходит спать. Финны платят сами за себя в ресторанах, при этом, изучая счёт, кто-то обязательно уточняет, что не ел хлеба. Русские, напротив, выражают готовность заплатить за всех. О встрече друзей финны договариваются за месяц, русские — за день-два, ведь мало ли что может случиться. У финнов всё запланировано, вплоть до могильной плиты, а русские живут непредсказуемо, им занудная запланированность тягостна и противна.

Мы — разные, потому что говорим на разных языках, в которых картины мира не совпадают.

РУССКИЙ НАРОД И “ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ”

Сегодня нам навязывают думать, что разные народы объединяются на основе неких “общечеловеческих ценностей”, которые позволяют им не только находить общий язык друг с другом, но и жить дружно бок о бок на протяжении столетий. И хотя жизнь постоянно опровергает это заблуждение, нам продолжают внушать, что не военная сила и не духовное и экономическое могущество могут заставить другие народы считаться с русскими, а мифические добрые чувства и симпатии к нам наших соседей.

Народы мира очень не похожи друг на друга, и каждый из них живёт, руководствуясь системой “свой-чужой”, в которой свои всегда милее, дороже и нужнее чужих. Пожалуй, это единственная “общечеловеческая ценность”, свойственная всем этносам – от великих наций до малых народностей. И мы, русские, не составляем здесь никакого исключения. Чтобы убедиться в русской особенности, в милем сердцу своеобычии нашего народа, полезно увидеть, каковы национальные характеры других народов, к примеру, англичан и китайцев, наших западных и восточных соседей, создателей двух великих империй и цивилизаций.

Англичане всегда отличались своим презрением к соседним народам – ирландцам, шотландцам, немцам, французам. Чувство превосходства над другими нациями осталось свойственным им и теперь. В национальном характере англичан, по признанию их же собственных антропологов и этнологов, преобладают сдержанность, скрытность, стремление иметь свою огороженную высоким забором “территорию”. У англичанина не только “мой дом – моя крепость”, но и душа его – тоже неприступный бастион. Англичане боятся выражать свои чувства, они избегают доверительности, искренних отношений даже с близкими людьми. В английской культуре господствует так называемая “отрицательная вежливость” – своеобразная преграда чужому вторжению в их личную жизнь, отпор навязыванию излишнего общения. Именно так можно объяснить бытование вопросительных приветствий “How are you?” (“Как ты?”), при обмене которыми англичане не ждут абсолютно никакого ответа. Причём сдержанность и деликатность достаются им не всегда легко, ведь чопорные английские джентльмены часто подвержены срыву в безудержную воинственную агрессию, воплотившуюся в известном на весь мир британском хулиганстве.

В английском общении строго соблюдаются классовые различия: каждый озабочен своим статусом и не желает, чтобы его причислили к более низкому слою населения. Стремление выделиться из общей среды перерастает в знаменитую английскую эксцентричность, презирающую всё вокруг.

Среди национальных пристрастий англичан – стояние в очереди. Строгая очерёдность во всём соблюдается даже в разговорах. Чтобы взять слово в беседе, нужно сказать “I say” (“Я говорю”), что означает: “Послушайте, теперь моя очередь высказаться”.

В английском общении невозможен яростный спор, неприемлемо какое бы то ни было выяснение отношений. Англичанину проще согласиться с собеседником, нежели возражать, противоречить ему. Даже если разговор идёт о погоде, которая по-английски является поводом к началу беседы, требуется поддакнуть говорящему, тем более, что в Англии это всего-навсего форма приветствия: “Холодовато сегодня, не правда ли?”

Английское общение обычно состоит из обмена комплиментами у женщин, из хвастовства приобретениями у мужчин, и дружного обсуждения сплетен, которые лично никого из присутствующих не касаются, ибо вмешательство в частную жизнь собеседника недопустимо. Подобный, на русский взгляд, пустой “трёп” может длиться часами без всяких стеснений, замешательств и затруднений. Таковы раз и навсегда установленные английские правила общения. Англичане очень ценят игру по правилам и свято их во всём соблюдают. При знакомстве не принято пожимать руки и называться по имени. А прощания по-английски весьма долги и нудны. Обмен ничего не значащими прощальными фразами с взаимными благодарностями может длиться до получаса.

Особенность англичан, считают исследователи, – пессимистическая оценка всякого случившегося события, выраженная английским восклицанием: “Вот так всегда!” Но унылость национального восприятия жизни сглажи-

вается своеобразным британским юмором, не позволяющим англичанину быть чересчур серьёзным. Слишком озабоченного делами или растревоженного неприятностями собеседника непременно одёрнут: “Да будет тебе!”.

Таков наш западный великий сосед, рядом с которым русский чувствует себя как рядом с неприступным ледяным айсбергом, который может затереть тебя во льдах равнодушия и презрения, едва ли это заметив.

Иной, но не менее неприятный для русского – китайский национальный характер. Наш восточный сосед, как и англичанин, тоже презирает всех иностранцев, унижительно именуя их “лаовай”, что буквально означает “лох, неумеха, ничего не смыслящий”. Себя же китайцы полагают во всех отношениях лучше, умнее и порядочнее любого чужеземца. Причём у китайцев идея собственной принадлежности к высшей расе особенно выразительна по отношению к белым людям, про которых они говорят “сы чзы фа да, тоу нао цзянь дань” (“руки-ноги здоровые, а голова тупая”). Так что иностранец в Китае, и русский для них не исключение, никогда не будет чувствовать себя на равных с китайцем.

Китайцы полагают себя и своё государство центром Вселенной, Китай они именуют “Срединной цветущей народной республикой”, презирают законы и традиции других стран. Не стоит покупать на китайскую вежливость и учтивость. Они любезны до приторности лишь до тех пор, пока китайцу от вас что-нибудь нужно. Когда же потребность в вас отпадает, вы встретите полнейшую бесцеремонность. Китайцы шумны и, с нашей точки зрения, грубы в общении, они громко разговаривают и дома, и в общественных местах, ничуть не заботясь о покое других людей. С иностранцами китайцы общительны до назойливости, то и дело задают неловкие вопросы: “Давно моя твоя не видела. Твоя стала такая толстая. Твоя надо диета”. Не считите это за бестактность, просто так китайцы устанавливают контакт в общении. Впрочем, запретные темы в беседах существуют и для китайцев. Их нельзя спрашивать о погоде, поскольку её предсказывает черепаха, а значит, вы невольно сравниваете китайца с черепахой и тем его обижаете. Нельзя интересоваться здоровьем китайца, ведь тогда выходит, что вы в нём сомневаетесь. В Китае запрещено задавать вопросы о зарплате, эта тема никогда никем не обсуждается. Зато, если вы иностранец, китайцы позволяют себе спрашивать вас обо всём.

В традициях китайского общения отсутствует проявление искренних чувств, добиться от китайца правдивости невозможно. Утвердительно китайское “да” вовсе не означает согласия. Это лишь выражение вежливости по отношению к собеседнику. И смех вовсе не означает, что китайцу весело, смехом он прикрывает растерянность или неловкость. Китайцы не любят приглашать гостей домой. В то же время еда – это национальный культ китайцев, в доме у них вечно сушатся, вялятся, настаиваются всяческие съедобные, а на наш вкус – и вовсе несъедобные вещи. С точки зрения иностранца, китайцы едят всё, что растёт, летает, ходит, плавает и ползает. При том что китайцы обожают детей – и своих, и чужих, – они равнодушны, а по-нашему просто жестоки к животным. Собак выращивают дома, а потом съедают, разделявая их на улице без всякого сожаления. Кошек держат в тесных клетках и развлекаются их неволей. В России же китайцев в первую очередь поражает, как здесь много свободной земли, на которой не растёт ничего съедобного, и то множество животных и птиц, которые гуляют и летают сами по себе без всякой для себя опасности быть съеденными.

Особенности национальных характеров китайцев и англичан в большинстве своём не кажутся нам приятными. Они нам платят той же монетой. Вот почему больше всего на свете мы должны ценить и любить свой русский народ. Должны оставаться самими собой, а не заглядываться в чужеземные дали, перенимая чужие наречия, рассчитывая среди инородцев поймать счастье за хвост.